

Петров Николай Аркадьевич

канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой

Дмитриева Инга Валерьевна

старший преподаватель

Василенко Оксана Витальевна

канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ И ЕЕ ТРУДОВЫЕ ОБЯЗАННОСТИ

В ЧУВАШСКОЙ СЕМЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –

НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация: в работе охарактеризованы наиболее типичные занятия и виды домашнего труда чувашских женщин, отмечено их бесправное положение в семье и сельском обществе. Женщина являлась, в первую очередь, работницей. Это обстоятельство определяло и набор необходимых характеристик чувашской женщины: трудолюбие, усердие, выносливость. Повседневная работа, выполняемая чувашскими женщинами, являлась необходимым условием существования крестьянского хозяйства.

Ключевые слова: женщина, община, семья, кинь, инке, традиционный быт, положение невестки, обычное право, повседневный труд.

Интерес к женской проблематике в этнографии народов Волго-Уралья неуклонно возрастает, что обуславливается ее большим исследовательским потенциалом [10; 11]. Исследователи рассматривают различные аспекты, связанные с ролью женщины в семье, в сельском обществе в трудовой и обрядовой жизни [3; 11]. Изучение всего спектра жизнедеятельности чувашской женщины позволяет раскрыть развитие деревни и сельского общества через призму женского взгляда.

В чувашской крестьянской семье и сельском обществе женщина являлась, в первую очередь, работницей. Это обстоятельство определяло и набор необходимых характеристик чувашской женщины: трудолюбие, усердие, выносливость. Повседневная работа, выполняемая чувашскими женщинами, являлась необходимым условием существования крестьянского хозяйства. Исследование повседневного труда чувашских женщин является одной из актуальных задач чувашской этнографии.

Объектом изучения является чувашская девушка, вышедшая замуж – чувашская невестка (чувашская сноха). В работе анализируется положение чувашской невестки, ее повседневный труд в крестьянской семье во второй половине XIX – начале XX в. Охарактеризованы наиболее типичные занятия и виды домашнего труда чувашской женщины.

По чувашской традиции в семье невестку свекровь, свекор и другие старшие родственники называли «кинь». При ласковом обращении ее называли «кин-пёрчёк» [2, с. 8]. Младшие родственники невестку называли «инке». Согласно словарю Н.И. Ашмарина «Кинь, сноха, невестка; жена моего сына; жена моего брата, который моложе меня; вообще так называют жену родственника, который моложе говорящего. Инке, жена моего брата, который старше меня. Жена моего дяди со стороны отца» [1, с. 123].

В семье и в сельской общине чуваша обходились терминами родства и свойства, избегая использования личного имени. Личные женские имена проносились, как правило, только три раза: при крещении, венчании и отпевании. В общине односельчане замужнюю женщину называли по имени свекра (Ундри кинё – «сноха, невестка Андрея») или мужа (Витали арёме – «жена Виталия»).

Положение невестки по сравнению с другими женщинами (свекровью, дочерьми, золовками) в чувашской крестьянской семье было униженным и бесправным. Согласно нормам обычного права, кинь находилась в зависимости от супруга, должна подчиняться свекру, свекрови и другим старшим родственникам. Она не имела права первой начинать разговор, все личные просьбы должна

была передавать через мужа. К невестке предъявляли требования нравственного характера, она должна быть скромной, доброй, послушной. Послушание чувашским девочкам прививали с детства. Девочку воспитывали как помощницу матери, послушную отцу, а позже – мужу.

Никольский Н.В., характеризуя чувашскую семью, отмечал, что «к своей жене и семье чувашин относится с любовью; он чтит и уважает свою жену гораздо больше, чем русский и татарин; зато последняя, как бы в уплату за это, трудится по дому с прилежанием и выносливостью» [8, с. 29]. Однако идеальный образ не разделяют другие исследователи. Так, П.П. Фокин писал, что «было бы неправомерным считать, что для поддержания главенства мужчина в чувашской деревне никогда не применял физическую силу – в некоторых домах около двери висела нагайка или плеть – знак возможного наказания» [13, с. 12]. Физическое наказание замужней женщины для чувашской деревни являлось нормой. Обычное право чувашей разрешало мужчине рукоприкладство по отношению к супруге, но оно не должно было принимать жестокие формы [5, с. 36].

В чувашской семейной традиции сохранялись отголоски избегания, которые помимо вербального отношения проявлялись и в одежде. Согласно семейному этикету, кинь, не должна была появляться перед свекром и деверьями босой и с непокрытой головой [9, с. 63]. Нормы обычного права заставляли прятать сноху волосы под сурпаном. Если таковая оплошность была допущена невесткой, то она в качестве извинения «откупалась» каким-либо подарком (вышитым полотенцем, платочком, кисетом). Суровость норм и правил поведения снохи отражается в наставлении матери дочери перед замужеством «если в семье мужа пробьют голову – пусть останется под сурпаном, если сломают ногу, пусть останется в онучах» [14, с. 211]. Согласно этикету невестка в чувашской семье вставала раньше всех, чтобы успеть одеться пока не проснулись остальные члены семьи. Недопустимым являлось проснуться позже свекрови. Спать невестка ложилась только после завершения всех дел, как правило, позже всех членов семьи, нередко не распуская онучи.

Сноха вынуждена была вести затворническую жизнь, с соседями разрешалось общаться редко, с родней виделась только с разрешения мужа и свекрови. Женской половиной семьи руководила свекровь. Она, выступая помощницей отца, мужа, распределяла женские домашние повседневные обязанности [5, с. 35]. Свекровь старалась взвалить на сноху как можно больше работы. Крестьянская традиция отмечала в невестке (кинъ, инке) покорность, терпеливость, высокую работоспособность, обрекала ее на тяготы быта и непосильные физические нагрузки. Плач и причитания чувашки отражали её непредвзятые страхи перед трудностями семейной жизни «Дождь идет, накрапывает, сквозь окошко вижу я, что не видать мне добра замужем, это ясно вижу я. Среди дремучего леса гниет кленовый брусочек, ах, молодая моя головушка плачет – убивается в чужом доме. Долго, долго шел снег, как только стерпела земля, осуждали меня нынче люди, как только стерпела я. Батюшкин дом – орешник, в орешнике орехи, подойду, бывало и сорву орешков, чужой дом – дубрава, а в дубраве змеи: войдешь – шипять, выйдешь – шипять» [9, с. 56].

Невестка (кинъ, инке) осуществляла все основные трудовые функции в крестьянском хозяйстве. Распределение обязанностей на мужские и женские в чувашской семье являлось в достаточной степени условным. Чувашская женщина работала ничуть не меньше мужчины. Н.В. Никольский отмечал, что «в земледелии одинаково, исстари упражняется как мужской пол, так и женский; чувашка, наравне с мужчиной, пашет, жнет, боронит, молотит» [8, с. 74]. В.К. Магницкий в работе «Этнографические статистические данные о браках чуваш Казанской губернии» также отмечает отсутствие разделение работ «в июле начинаются полевые работы: сенокос и жнитво, в которых женский пол у чуваш участвует наравне с мужчинами» [6, с. 214].

Описывая свадебную обрядность, он отмечал, что чувашская молодая сноха отправляется на сенокос «молодушка, по чувашскому этикету, на сенокосе должна быть во всем праздничном наряде молодой женщины: при двух шульге на груди, в хушпу на голове, в изобилии унизанных серебряной монетой, и тяжелых металлических серьгах на ушах» [6, с. 215]. Он подчеркивал тяжесть

женских украшений, только одна шульгеме весила двенадцать фунтов. Косить невестке было крайне неудобно шульгеме, качалось на груди из стороны в сторону при каждом взмахе косой. В тоже время работать снохе необходимо было «с напряжением всех своих сил, потому что на нее устремлены взоры всех косцов, высматривающих и оценивающих, насколько молодушка способна к работе и усердна к ней». Головной убор и нагрудные украшения нагревались под июльским солнцем, поэтому нередко невестки получали тепловой удар. В этнографических заметках Магницкий описывал и случаи летального исхода «и работают молодушки на сенокосе до того под час усердно, что иногда падают мертвыми». Подобный случай он зафиксировал 17 июля 1867 года в Шуматовском приходе в деревне Янасал. На сенокосе скончалась Татьяна Андреева, молодая жена Якима Андреева. Он отмечал, что такие трагедии случались и в Козьмодемьянском уезде [6, с. 216].

На долю снохи выпадала вся работа как внутри жилища, так и за его пределами. Она готовила пищу, подметала, мыла, убирала, обстирывала, присматривала за стариками и детьми. Ухаживала за птицей и домашними животными. Обработывала огород. Чувашка сажала почти все известные в регионе огородные культуры: капусту, редьку (горькую и сладкую), свеклу, морковь, чеснок, немецкий горох (бобы) и огурцы. Весной собирала серде (сныть) и балтран, из них готовила яшку (суп) и запасалась ими на зиму на случай недостатка капусты. Спиридон Михайлов отмечал, что чувашские женщины «готовят очень хорошо, таковым поручается приготовление кушаний для гостей» [7, с. 96]. Снохи занимались заготовками на зиму. Солили огурцы, грибы, квасили капусту. Заготовки хранили в погребе или амбаре. Чувашская сноха варила пиво, квас, сыту. Чувашки выпекали хлеб, пироги, ватрушки, лепешки, блины. Во время приготовления пищи, чувашки первый блин никогда не давали детям, так как считали, что «они не выучатся работать» [8, с. 60].

Чувашская сноха должна была уметь хорошо печь хлеб, сельское общество строго осуждало, кинь, которая «не имеет ни должных знаний, ни должного навыка в этом деле» [8, с. 193]. Поэтому чувашские невестки с детства помога-

ли матери печь хлеб, рано приобретая необходимые навыки. Вынимая хлеб из печи, сноха, похлопывая его снизу, приговаривала: «ҫăкăрăм кулач пек, хам пек, хер пек. Пиҫмень пулсан пиҫ, ытла пулсан тавăрăн» (пусть хлеб испечется как калач, будет красив как девушка; если не испекся – пусть испечется; если перепекся – пусть вернется) [8, с. 195]. Большим горем было для снохи, если хлеб получался «тачка», сыроватый не пропекшийся. Если хлеб удачно выпекался, чувашку хвалили: «Ну, и хлеб у тебя – не стыдно показать майре (так чувашки называли всех русских женщин), корка тонка, трещин нет, хорошо пахнет, приятен на вкус, легкий» [8, с. 196].

Помимо ведения домашнего хозяйства, чувашские снохи занимались жатвой, заготовкой кормов для скота, выращивали и обрабатывали лен и коноплю. Согласно чувашской традиции сноха в первый год замужества зимою «порцию льна получала от своих родителей из их общего семейного посева». За выделенной долей невестка отправляется в родительский дом вместе с мужем, взяв с собой пива для угощения родственников [4, с. 212].

В свободное от повседневных хлопот время снохи занимались прядением, ткачеством, шитьем, вышиванием. Александра Фукс в этнографических заметках писала, что «чувашки вообще все рукодельны, не так как татарки,.. чувашки мастерски вышивают по счету свои рубашки и такими трудными узорами, что даже дама, мастерица шить по канве, полюбуется их работой» [12, с. 59]. Исследователи отмечали, что чувашские холсты (пир) были гораздо крепче русских, поэтому их чаще покупали [12, с. 103]. Чувашские снохи ткали льняные, посконные и конопляные холсты [12, с. 104]. К Пасхе снохи старались заготовить как можно больше холста. После Пасхи холсты белили золою и расстилали на снегу. Большое количество холста, заготовленное за зиму, составляла гордость чувашской снохи [8, с. 98].

Таким образом, сноха в чувашской крестьянской семье во второй половине XIX – начале XX в. была примером неустанной работницы. Чувашская замужняя женщина выполняла разнообразные сельскохозяйственные работы, умело совмещая их с домашним трудом и заботой о детях. Положение чувашской

снохи в семье можно охарактеризовать как бесправное и униженное. Она была поставлена в зависимость от мужа, свекра, свекрови и других старших родственников.

Список литературы

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка / Н.И. Ашмарин. – Т 6. – Чебоксары: Руссика, 1994. – 336 с.
2. Золотницкий Н.И. Названия родственных отношений у чуваш / Н.И. Золотницкий. – Казань: Братство св. Гурия, 1871. – 16 с.
3. Иванов В. П. Семья у чувашей / В.П. Иванов, П.П. Фокин. – Чебоксары: ЧГИГН, 1991. – 99 с.
4. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры / В.К. Магницкий. – Казань: Тип. Император. ун-та, 1881. – 267 с.
5. Магницкий В.К. Очерк юридического быта / В.К. Магницкий // Казанские губернские ведомости. – 1868. – №93.
6. Магницкий В.К. Этнографическо-статистических данные о браках чуваш Казанской губернии / В.К. Магницкий // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. – Казань: Тип. Император. ун-та, 1892. – С. 205–218.
7. Михайлов С.М. Собрание сочинений / С.М. Михайлов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 510 с. EDN WDMGFV
8. Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш / Н.В. Никольский. – Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1928. – 223 с.
9. Прокопьев К.П. Брак у чуваш / К.П. Прокопьев. – Казань: Тип. Император. ун-та, 1903. – 63 с.
10. Семенова Т.В. Роль женщины в традиционных календарных праздниках и обрядах чувашей / Т.В. Семенова, О.В. Егорова // Вестник Чувашского университета. – 2024. – №3. – С. 139–145.
11. Сергеева Е.В. Традиционные девичьи праздники и обряды чувашей / Е.В. Сергеева // Актуальные проблемы тюркологии: Россия и тюрко-

мусульманский мир: сборник статей. – Казань: Казанский (Поволжский) университет, 2021. – С. 260–262. EDN APZUEL

12. Фукс А.А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии / А.А. Фукс. – Казань: Тип. Император. ун-та, 1840. – 333 с.

13. Чуваши: история и культура / отв. ред. В.П. Иванов. – Т. 2. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – 335 с.

14. Этнография чувашского народа / отв. ред. В.П. Иванов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. – 351 с.